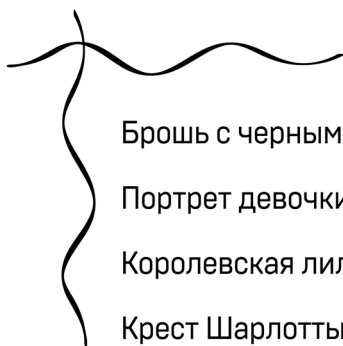

вечерний детектив

Читайте
остросюжетные романы
Елены ДОРОШ
в серии «ВЕЧЕРНИЙ ДЕТЕКТИВ»:

Брошь с черным опалом

Портрет девочки в шляпе

Королевская лилия

Крест Шарлотты

Антикварная история

*Моему прадеду
Измайловцу Онуфрию Дорошю
посвящается*

СОБОЛЕВ

После обеда заработали гаубицы. Значит, часа через полтора пойдут огнеметчики, подумал полковник Соболев и поплотнее прижался к стенке окопа. За спиной послышалась ругань, и на землю рядом шлепнулся капитан Белецкий. Страхивая с шинели комья глины, он продолжал крыть всех и вся.

— Плохо пообедали, Белецкий? — покосившись на раздраженную физиономию капитана, поинтересовался Соболев.

— Напротив, полковник, я отлично подкрепился тухлой тушеной капустой и остатками прогорклого сала.

— Чего же тогда не в духе?

Соболев подкрутил кольцо настройки диоптрия полевого бинокля и продолжил осмотр позиций.

Гаубицы разродились очередным залпом. Бруствер взметнул грязную мешанину из глины и снега.

— Да твою мать! — снова ругнулся Белецкий.

— Капитан, вы же интеллигент в десятом поколении. Какого черта вы материтесь, как девица, которой наступили на новые галоши?

— Девицы матерятся? Это какие же?

Белецкий с интересом уставился на Соболева.

— Полковник, вы расширили круг общения? Не знал.

— Один — один, — вздохнув, признался Соболев и опустил ся на дно окопа.

— Мне кажется, сегодня атаки не будет, я прав? — спросил капитан.

— Ты чего злой такой?

— Да надоело все. Три дня назад должны были подвезти патроны.

— Так привезли же.

— Для нагана. Пять коробок. Пять! А надо было тридцать и для трехлинейки! Идиоты! Мы что, наганами от артиллерии будем отстреливаться? Почему в тылу одни кретины? Как их туда отбирают? Меряют линейкой объем мозга?

— Сколько патронов для винтовок есть в наличии?

— Один ящик. Это на час скромненькой стрельбы. А дальше что? Пойдем в штыковую? Так мы даже дойти не успеем! Они нас еще на подходе из «максимов» покрошат! Их у них знаешь сколько? Да что пулеметы! Разведка доложила: немцам на позиции скоро штурмовые бронированные машины подвезут. Танки называются. В переводе с английского — лохань. Ничего себе название придумали. Только выпустили.

Соболев устало посмотрел на расстроенного капитана.

— Не пойму, зачем ты мне все это рассказываешь?

— Выговориться хочу. Сестрица в письме написала, что любые проблемы следует проговаривать с доверенным лицом. Тогда, дескать, волнение стихнет.

— И разум просветлеет?

— Вроде того. Она на курсы ходит какие-то. Отличный способ, правда?

Соболев кивнул и подумал, что способ и в самом деле неплох. Он бы тоже хотел проговорить все, что накопилось на душе. Сесть бы с Анютой у камина, обняться, уютно накрывшись толстым английским пледом, и говорить, говорить, говорить...

Гаубицы бабахнули. Бруствер выбросил кучу грязи.

— Атаки сегодня действительно не будет. Пойдем погреемся немного, — предложил Соболев. — Мне ночью опять на позиции.

Пригибаясь, он побежали по извилистым переходам, чавкая сапогами. На дежурстве офицерам отдыхать полагалось в землянке, устроенной из погреба разрушенного дома. Кирпичные стены, бревенчатый потолок, пол, устланный для тепла сучковатыми досками. Лучшее, что можно было придумать. Солдатам приходилось не в пример хуже. Следуя передаваемому из поколения в поколение правилу, окопники половину шинели расстилали

на снегу прямо в траншее, ложились на них, тесно прижавшись друг к другу, и укутывались другой половиной шинели.

В трех километрах от позиций жилье у офицерского состава было чуть получше. Командному составу досталось несколько изб, в которых можно было хоть как-то отгородиться от остальных. Соболев, как старший офицер, имел даже свою конурку с окошком. Его, правда, пришлось завесить тряпьем, но так было даже теплее. Глиняная печка находилась за дощатой перегородкой. Там вместе с хозяевами разместился денщик. Спать ему выпало на лавке, потому что печка была занята ребятишками. Но это лучше, чем на полу.

Завалившись в землянку, офицеры долго топали ногами, стряхивая налипшую глину. В землянках печка не полагалась. Греться приходилось, как выражались солдаты, «пердячим паром». Штабное начальство было уверено, что печной дым обнаружит их позиции. Как будто немцы их не знали! Сами они грелись вовсю, потому над вражескими окнами столбиком поднимался густой дым.

Покосившись на спящего в углу прапорщика, офицеры уселись бок о бок на лавке. Расторопный Белецкий тут же выгащил откуда-то штофик из зеленого стекла.

— Выпьем для согрева?

— «Казенка»? — спросил Соболев.

— К сожалению, только шнапс, полковник.

Наши два дня назад после атаки из немецких око-

пов притащили. Маловато, конечно, да и тот разбавленный. Эти швабы, они такие скупые, что даже водку разбавляют. Вот какой в этом толк, скажи?

— Никакого. Наливай.

Дмитрий разлил водку по стаканам, они чокнулись и выпили.

— «Целый штоф выпил я до дна и в тот день не ходил со двора», — пропел строку из Некрасова на мотив вальса Штрауса капитан и с сожалением добавил: — Штоф был бы уместнее в данной ситуации. Штофик — это, брат, сущие пустяки.

— И правда разбавленный, — с сожалением сказал Соболев.

— Нет, вот ты скажи, Николай, — заговорил неугомонный Белецкий, — какого дьявола мы переделали «максимы» под мосинский патрон, если пулеметов все равно нет? Два, и тех клинит на каждом шагу. Гаубица 122-миллиметровая вроде есть, а вроде и нет! Кой черт она нужна, если к ней нет снарядов? Артиллерийская бригада ушла в отпуск по ранению? А еще хвастались, что у них трехдюймовки работают как часики. Как часики, слышь? Что-то не слышно этих часиков с прошлой недели.

Николая давно перестали раздражать разговоры про дикую нищету русской армии, совершенно ни на что не годное воинское начальство и устаревшее до самой позорной низости вооружение. Он вообще старался об этом не думать. Не было никакого смысла. Надо просто делать свою работу, и все. Белецкий же по молодости лет жаждал

справедливости и искренне не понимал, как можно было довести да такого состояния еще недавно самую грозную армию в мире. Однако совсем не размышлять на эту тему он не мог. За четыре почти года этой жуткой войны он дважды терял весь состав подразделения. И это были не какие-нибудь «лапотники», которых набрали абы как. Гвардейские части — элита армии. И этой элиты почти не осталось. Из командного состава тех, кто начал воевать в четырнадцатом, осталось лишь несколько офицеров на весь Измайловский полк. Пришлось штаб-офицерам, к числу которых принадлежали они с Белецким, принять командование подразделениями. Кому что достанется.

— Слушай, давно хотел тебе сказать, — плеснув в стаканы еще по чуть-чуть, сказал вдруг Дмитрий. — Не нравится мне твой денщик. Помню, ты говорил, что справляется он хорошо, да только дело не в этом. Опасно брать из разжалованных, тем более за такое преступление.

Соболев пожал плечами.

— Не поздновато ли разговор заводить? Он со мной два года. И потом. Ну что было с ним делать?

— Да он дикий, этот твой Стах! Подумай только, не поделил с товарищем бабу, так взял его и прирезал!

— Он пьяный был, а во хмелю, сам знаешь, человек себя не помнит. Он раскаивался. Плакал даже. Впрочем, дело тут в другом. Я не из жалости его взял. Стах — опытный и умелый солдат. Он же в разведчиках служил.

— Да знаю я и про разведчиков, и про его прошлые подвиги! Но человек он ненадежный. Сейчас сам понимаешь, какое время. Среди солдат агитаторы кишат. Большевики какие-то. Дерзкие ребята. Говорят, что со дня на день Временное правительство падет. Тогда такое начнется! Кое-где, слышал, уже братания с врагом начались. Твой Стах на всех офицеров волком смотрит. Как ты такому не боишься доверять свою жизнь?

Соболев посмотрел на взволнованное лицо друга и, встав, достал с небольшой полочки хлеб и завернутое в тряпицу сало.

— Сейчас каждый солдат на счету. Тем более такой, как Петр. На, закуси, а то сам с похмелья буйным станешь.

— Да отлично, что стану! Подниму всех в атаку и пойду со знаменем впереди! Сметем этих немцев с лица земли!

— Ну вот, уже началось. Отрежь-ка мне сала кусок.

— А колбасы не осталось? Был хвостик.

— Окстись, Белецкий. Того хвостика уж сутки простыл и след. На вот сыру. Правда, он кое-где заплесневел от сырости.

— Ничего, завтра нас сменят, наедемся щей наваристых да каши с мясом. Тут из полевой кухни вообще ничего есть нельзя. Как эта серая масса, которой нас потчуют, называется, не знаешь?

Соболев допил пшнэпс и, морщась, откусил сыра.

— И все же подумайте, господин полковник, насчет Стаха. Говорю вам...

Дверь в землянку распахнулась, и в засыпанной снегом шинели вошел именно тот, о ком они только что говорили.

— Ваше высокоблагородие, — бодрым голосом произнес денщик, отдавая честь, — прислали сказать, что смена будет только после обеда. Майор Хрящевитов заболел, его в госпиталь увезли. Вместо него прибудет капитан Отроков, но позже, как поспеет из штаба полка.

— Какая чудесная новость! — издевательским тоном воскликнул Белецкий.

— Хорошо, Стах. Можешь идти отдыхать, я вызову, если понадобится.

Белецкий проводил Стаха, снег на котором так и не растаял, недобрый взглядом.

Соболев разбудил спящего прапорщика и отправил проверять посты. За ним вышел и капитан.

Завернувшись в шинель, оставшуюся от убитого вчера офицера, Николай лег на хранивший слабое тепло недавно лежащего тела топчан и повернулся лицом к каменной стене. Лежать к ней спиной совсем уж невозможно. Начинаешь примерзать. Соболев закрыл глаза и тут же увидел Анюту. Она сидела с вязаньем на кресле у печки, а маленький сынишка копошился у ее ног. Вот тихо вошла нянечка и унесла малыша в детскую. Анюта осталась одна. Вот отложила рукоделье, протянула руку к печному теплу и задумалась. Николай не сомневался, что думает она о нем. Так же, как и он о ней в любую свободную минуту.

— Анюта, — позвал он жену и пробудился.

Дверь землянки вздрогнула и отлетела прочь от взрыва. Николая отбросило к противоположной стене и прижало свалившейся от следующего разрыва балкой. Он задохнулся от удара. В глазах помутилось от дыма и боли. В ту же минуту кто-то очень сильный откинул бревно и, схватив за грудки, немилосердно дернул его на себя. Соболев вскочил, как будто его подкинули, и вовремя. На то место, где он только что был, упала полка.

— Ваше высокоблагородие! — крикнул Петр Стах, ибо это был он. — Держитесь за мной, я выведу!

Они выбрались из обрушившейся землянки и упали на дно окопа. Соболев попытался встать, но денщик сильной рукой прижал его к земле.

— Не время! Обождите немного! Сейчас они огонь переместят, тогда подыдемся!

Николаю казалось, что уши у него плотно заложены ватой. Это от взрыва. Пройдет.

Он отбросил руку Стаха и пополз по траншее на карачках. Надо срочно проверить, насколько сильно пострадали ряды бойцов, и организовать отражение атаки. А то, что атака будет, он не сомневался.

— Ваше высокоблагородие, не вставайте только, — проговорил сзади Стах.

Соболев оглянулся и увидел его лицо. В нем не было ни капли страха.

— Давай за мной! — скомандовал ему полковник, встал и, пригибаясь, побежал туда, где раздавались крики.

Метров на сто от командирской землянки траншея была забита телами. Живые и легко раненные, прикрываясь мертвыми товарищами, которых было гораздо больше, ждали окончания налета и готовились к атаке. Дальше скученность стала не такой страшной, и можно было идти от бойца к бойцу, лишь наклоняясь как можно ниже.

Соболев нашел Белецкого, который по касательной был ранен в руку, в тыл идти отказался и выглядел очень бодрым. Еще троих офицеров полковник обнаружил к концу окопной линии. Он расставил их по местам и, когда артиллерийский налет немного стих, направился тем же манером в обратный путь. Интересно, ждать ли нынче при атаке огнеметчиков? Вчера Бог миловал. Неужели у немцев горючка кончилась?

Оказалось, что нет, не кончилась. Аккуратные немцы все делали строго по инструкции.

С началом атаки полковник стал двигаться быстрее. Надо было успеть оценить обстановку и отдать команды на всех участках.

Телефонная линия, оборванная неделю назад, так и не была восстановлена, поэтому ждать приказаний из штаба не приходилось. Оно и к лучшему, подумал Соболев и, повернувшись к Стаху, который все время держался рядом, велел ему вернуться в разбитую землянку и принести планшет с картами и бинокль. Стах, которому ничего не надо было повторять дважды, быстро двинулся вдоль окопа, проскальзывая между завалами из тел и грязных куч вывороченной земли.

Полковник Соболев остался на позиции рядом с прапорщиком Грудининым, худеньким юношей с бледным прыщеватым лицом.

Огнеметчики пошли на них цепью. Первый нес трубу с так называемой «лейкой», направляя огненную струю, второй, с наполненными горючкой баллонами за спиной, следовал за ним. Русские знали, что струя огнемета имеет небольшую дальность, метров двадцать, но когда идущие цепью немцы по команде выпускали столб огня, особо впечатлительные бросали оружие и начинали креститься.

Соболев лег грудью на бруствер и проверил наган. Прицельная дальность револьвера почти пятьдесят метров. Неплохо, если, конечно, сумеешь воспользоваться этим преимуществом.

Николай нашел глазами ближайшую пару огнеметчиков и прицелился в того, что нес баллоны с горючим. Злобный осенний ветер стих только на мгновение, и Соболев успел выстрелить. Пуля, чиркнув по металлической обшивке, пробила баллон сбоку. От искры баллон разорвало, огнеметчики вспыхнули, пламя обожгло соседних солдат, которые рванули со своими огнеметами в разные стороны, пытаясь спастись от собственного оружия.

— В атаку! Ура! — заорал вдруг под мышкой у Соболева Грудинин, рванулся, вскочил на бруствер и бросился вперед.

Вдохновленные замешательством в рядах противника, солдаты с криками бросились за своим храбрым командиром.

Соболев побежал вдоль траншеи, чувствуя за спиной растущее, как волна, воодушевление солдат. У развороченной взрывом во время атаки землянки он остановился, залез почти на самый верх бруствера и не удивился, увидев, что его денщик оказался рядом.

Полковник протянул руку.

— Бинокль.

Стах подал и, чуть высунувшись, тоже стал смотреть. Смелый, подумал про него Соболев и приставил к глазам бинокль.

Наверное, на другой стороне заметили блеск линз. Или просто — движение. Пуля, выпущенная из немецкого пистолета, с дикой скоростью помчалась в сторону окопа русских. Ее полет был точен, как никогда. Потом Соболев неоднократно задавался вопросом, как Стах мог предугадать конечную цель ее движения. Почувствовал, что ли?

За мгновение до того, как пуля попала бы в голову Николая, Стах вдруг резко и сильно пихнул его в сторону. Соболев услышал только, как что-то свистнуло у уха, и от бревна за его головой в разные стороны разлетелись щепки.

Они спрыгнули на дно окопа.

— Петр, спасибо. Ты мне жизнь спас, — почему-то очень тихо сказал Николай.

Стах, повернувшись, посмотрел на него и спокойно ответил:

— Ничего. Как-нибудь сочтемся, ваше высокоблагородие.